

**СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН**

Стихотворения

ТОМ

1

Москва
«Русский раритет»
2006

ББК 84 Р7
Е 82

Есенин Сергей.

Е 82 СТИХОТВОРЕНИЯ. В 3-х т.
Т. I. — М.: ИПЦ «Русский раритет», 2006. — 240 с. — (Мудрость веков).

© Составление, оформление,
ИПЦ «Русский раритет», 2006

ISBN 5-7034-0143-7

ISBN 5-7034-0171-2 (Том 1)

**Я выйду сам,
когда настанет срок...**

Сегодня — будь-то в его родной Константиновке Рязанской губернии, где родился в 1895 году, или в Москве, где когда-то его хорошо знали не только в литературных кафе и кабаках, но и в высоких кабинетах, или в Питере, где в 1925 году закончилась его земная жизнь, или даже за границей, куда он в поисках смысла бытия ненадолго выезжал, — вряд ли остались люди, помнящие живого поэта Сергея Есенина. О чем он думал, страдал, к чему стремился, в чем разочаровался — об этом

мы можем только догадываться из его стихов, которых, к счастью осталось немало, из воспоминаний его современников, из составленных академических биографий.

Семнадцать лет от роду Сергей приехал в Москву, где долгие годы зарабатывал на содержание семьи его отец мясником в купеческой лавке. Но по стопам отца он не пошел. Желание найти свой путь в литературу привело его в Суриковский кружок писателей, деятельность которого, впрочем, не ограничивалось одним лишь выявлением самородков-литераторов, а была направлена также на политическую работу

социал-демократического толка. Через знакомства устроился подчитчиком в типографию И.Д.Сытина. Не потерялся в большом городе. Заработок дал ему возможность обосноваться в нем и позволил, в свободное время, заниматься литературным творчеством. Его стихи по содержанию были далеки тогда от характера общественного движения, к которому принадлежал. В них, как вспоминают современники, было много сказочного, былинного, но «не было революционного порыва». Главные мотивы его стихов той поры — деревня, природа. И хотя крестьянская тематика разрабаты-

ввалась и до него, именно Есенин утвердился надолго в московских литературных кругах как «молодой крестьянин Рязанской губернии, пишущий прелестные стихи».

К этому времени относится также его учеба в народном университете Шанявского, там он посещал в основном лекции по литературе. Одновременно стал печатать в журналах (в основном детских) свои первые опыты.

Эти стихотворения были, конечно же, о той же деревне, о природе, о родине, которую он страстно любил и о которой писал часто и с упоением. Однако надо вспомнить вре-

мя, которое было тогда на дворе. Искренние и сердечные строки Есенина разительно отличались от урапатриотических стихов более мастистых поэтов, чутье которых, в связи с приближением первой мировой, обострилось именно в этом направлении. А молодой Есенин был еще глух к подобной конъюнктуре (впрочем, впоследствии, слух по этой части так и не приобрел), оставался певцом того мира, из которого только что вышел. Поэтому, изъясняясь о любви, он писал о сенокосах некошенных, полевом приволье, родной сторонке в ухабинах, забоченившейся избе, старой церквушке...

Великие поэты, успевшие стать еще при жизни бессмертными, с иронией, граничащей с отрицанием, а, может быть, с ревностью, воспринимали его сочинения. Так или иначе, путь в «толстые» московские журналы был для него затруднен. Возможно, еще и поэтому он все чаще и чаще стал тяготиться Москвой и все время рвался в Санкт-Петербург. «Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет...». Блок и другие питерские поэты оценили труды Есенина. А он — их готовность ему помочь. И он с головой окунулся в эту среду. Достаточно перечислить несколько имен, что-

бы представить себе атмосферу, в которую он попал: Блок, Мандельштам, Вс.Иванов, Рождественский, Городецкий, Сологуб, Струве, Гумилев, Ахматова, Клюев, Иванов-Разумник... Уже в 1915 году в журналах города на Неве (тогда — столица) стали появляться его «взрослые» стихи. Еще через некоторое время вышел в свет его первый сборник «Радуница». Нельзя не отметить, что в некотором смысле это было прощанием поэта с патриархальной деревней. Петроградские поэты также любили «рустику», но, как признавались они же, перемешанную с мистикой. Многие из них были убеждены, что настоя-

щий поэт должен искать соприкосновение с потусторонним миром. Это стало некоей идеологией поэтов-деревенщиков. Есенина стало тянуть к этой идеологии.

Однако первая мировая война постепенно изменила его взгляды, да и его самого. Есенина не сразу взяли на военную службу, а когда призвали, стал ездить на фронт с санитарным поездом, имел дело в основном с ранеными. После случившейся операции аппендицита оставили служить в лазарете в Царском Селе. С началом революции Есенин из армии самовольно «ретиrowался». И снова окунулся в богемную жизнь поэти-

ческого Петрограда. Ситуация была уже иной. Все изменилось, и отношение к жизни — тоже. Этого требовала атмосфера послеоктябрьских дней. Есенин оказался во власти больших ожиданий политических перемен, которые в корне должны были изменить жизнь России. Как отмечают знавшие его люди, Есенин принял Октябрь с неопишмым восторгом, внутренне готовый к тому что произошло, чувствовал себя в полной гармонии с революцией. Так уж совпало, что в творчестве Есенина именно тогда наступила пора яркого и широкого расцвета. Исчезла иконописность символики, поэт по-

рвал со многими старыми друзьями-поэтами, круто повернул влево. Однако любовь к большевикам была недолгой. Возможно еще и потому, что не была взаимной. Впрочем, даже взаимная любовь, более интимного характера, его тоже долго удерживать в своих объятиях была не в силах. В Петербурге он познакомился с будущей знаменитой актрисой Зинаидой Райх, которая вскоре стала его второй женой. Весной 1918 году он, вместе с ней, перекочевал обратно в Москву. Из всех жен, конечно же, наиболее известна его третья — американская танцовщица ирландского происхождения Айседора Дун-

кан. Это она увезла Есенина в Европу, а затем и в Америку. В их отношениях было все: от любви до ненависти, но не она стала его «черным человеком», как многие пытаются это представить. Хотя, безусловно, близость к «Изадоре» и американская поездка создали нездоровую, скандальную атмосферу вокруг поэта. Но по настоящему «черными» для Есенина, вероятней всего, стали его «закадычные» друзья, которым нужен был скандальный, а не трезвый, рассудительный, ясный, талантливый Есенин. Их устраивал другой образ поэта — прямо противоположный его истинной сути. Имидж

хулигана и скандалиста с их легкой руки и подачи властей прочно закрепился за ним. Хотя не скандалы, все-таки, сделали его знаменитым, а работа. «Если я за целый день не напишу четырех строк хороших стихов, я не могу спать», признавался поэт. Работал он неустанно. И смеялся над теми «друзьями», которые стремились распоряжаться им, его мыслями, чувствами. Он был уверен, что не сломается, что в любой момент сможет вырваться из-под их влияния. А причины своих неприятностей в столице искал и видел в другом, хоть и не находил. Свидетельством тому — болезненный надрыв

в стихах его последней поры, особая тоска, которую сам же и назвал по имени: смерть. Но особенно по этому поводу не горевал. «Только короткая жизнь может быть яркой...» любил он то ли шутить, то ли философствовать.

Тридцать лет жизни, из которых не более тринадцати полноценного творчества! — куда уж более короткая и яркая жизнь. Он едва вырвался из молодежного возраста, но оставленное им поэтическое наследие востребовано не только молодежью, но и теми «кому за тридцать» — *возраст в который Есенин не успел*. Они тоже считают его своим совре-

менником. Ведь кто скажет лучше чем он: «Отговорила роща золотая...», кто, «роня грустные слова», успокоит и себя, и нас при этом: «Скажите так... что роща золотая отговорила милым языком».

В какой-то момент Москва стала его тяготить и он решил обратно податься в Ленинград. Но не было там уже ни Блока, ни многих других. Изменившейся город не понял его, не принял, не спас. И Есенина не стало.

...Он не был слащавым мечтателем, с неземными глазами, устремленными в небеса, затуманенными мечтами и грезами. Наоборот,

свет «дивных прозрений», и «пора жестоких лет», на многое открыли ему глаза, по иному заставили думать о сущем в конце своей земной жизни: «Россия — страшный, чудный звон...». Он был в обиде на то время, в котором жил: «что видел я? Я видел только бой. Да вместо песен слышал канонаду». Но даже мысли не допускал, что в этом — вина родной стороны: Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая! / Дайте родину мою!»

И. Михайлюк

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

Стихотворения

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

(1910)

Сергей Есенин

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

(1910)

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

GOETHE Zueignung

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
 И злится все сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
 У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
 Красавица весна.

(1910)

